

Н. П. Жилина

Аксиологические координаты романтической личности в поэмах Дж. Байрона и А. С. Пушкина

Сопоставительный анализ важнейших произведений двух национальных гениев впервые производится в аксиологическом аспекте, через рассмотрение системы сюжетных оппозиций. Это дает возможность автору статьи сделать вывод о кардинальном различии между Байроном и Пушкиным в изображении романтической личности, воспринимающей абсолютную свободу как главную ценность жизни.

Ключевые слова: Байрон, Пушкин, Чайльд-Гарольд, Кавказский пленник, романтическая личность, свобода, аксиологическая система, христианство, просветительство.

N. P. Zhilina

Axiological Coordinates of the Personality in Byron and Pushkin's Poems

For the first time, the comparative analysis of the major works by the two national geniuses is made in the axiological aspect by means of the system of the plot oppositions. It enables to draw a conclusion on the cardinal distinction between Byron and Pushkin in depicting the romantic personality, whose main life value is the absolute freedom.

Keywords: Byron, Pushkin, Childe-Harold, the Prisoner of the Caucasian, romantic personality, freedom, an axiological system, Christianity, enlightenment.

Открывший собою ряд романтических поэм, «Кавказский пленник» был одобрительно встречен большинством критиков и имел большой успех у читателей, воспринявших его как «подражание» Байрону. Влияние английского поэта, ставшего с конца 1810-х гг. «властителем дум» как западноевропейских, так и русских читателей, на творчество Пушкина этого периода общеизвестно. По собственному признанию поэта, «Пленник» «отзывается чтением Байрона», от которого он в эту пору «с ума сходил» [1, т. 7, с. 170]. Не только многие современники Пушкина, но и исследователи более позднего времени считали, что «"Кавказский пленник" – в полном смысле слова байроническая поэма, <...> что не только характер героя в ней – байроновский, но и построение поэмы, и отдельные мотивы в ней, и самая трактовка темы и стиля связаны с примером Байрона» [2, с. 323]. Так, сложилось устойчивое мнение, что именно поэмы Байрона, прежде всего «Паломничество Чайльд-Гарольда» и «Корсар», оказали наибольшее влияние на Пушкина, а первая из них послужила непосредственным «образцом» «Кавказского пленника». Однако в научной литературе высказывались и противоположные мнения. Показательно, например,

утверждение Е. Н. Купреяновой, считавшей, что уже в первой из романтических поэм, «Кавказском пленнике», Пушкин создает характер героя «столько же байронический, как и антибайронический» [3, с. 251]. Прояснение этого непростого вопроса и станет основным содержанием данной статьи.

Общая для обеих поэм исходная ситуация – молодой человек, вступающий в жизнь, – находит свое продолжение и в предыстории пушкинского героя, вызывающей у читателя прямые ассоциации с началом событий в поэме Байрона: и в том, и в другом случае герой покидает родину. Основные черты байроновского героя раскрываются уже в экспозиции:

Жил в Альбионе юноша. Свой век
Он посвящал лишь развлечениям праздным,
В безумной жажде радостей и нег
Распутством не гнушаясь безобразным,
Душою предан низменным соблазнам,
Но чужд равно и чести и стыду,
Он в мире возлюбил многообразном
Увы! Лишь кратких связей череду
Да собутыльников веселую орду [4, с. 139].

В этой открывающей поэму авторской характеристике, как видим, внимание сосредоточива-

ется, прежде всего, на полном отчуждении главного героя, имеющем в своей основе открытое презрение к общественным нормам и моральным запретам. Важно отметить, что такая бунтарская направленность в контексте байроновского художественного мира является верным признаком и бесспорным свидетельством исключительности человека. Во всяком случае, у исследователей никогда не возникало сомнений в том, что ярко выраженное мятежное начало байроновского героя было всегда обеспечено безусловной авторской поддержкой. Причины отъезда героя из родных мест объясняются автором однозначно: это *скука*, возникшая в результате *пресыщения* порочной жизнью и полностью отравившая его существование:

Но вдруг, в расцвете жизненного мая,
Заговорило *пресыщенье* в нем,
Болезнь ума и сердца роковая,
И показалось мерзким все кругом:
Тюрьмою – родина, могилой – отчий дом.

Он совести не знал укором строгих
И слепо шел дорогою страстей.
Любил одну – прельщал любовью многих... [4, с. 140].

Сугубо плотский характер и низменная направленность увлечений Чайльд-Гарольда ярче оттеняют совершенно иную по своему строю душевную устремленность пушкинского героя, в предыстории которого запечатлена эволюция юной души, успевшей испытать не только разочарование, но и настоящее упоение жизнью. Образ родины, возникающий в его воспоминаниях, но данный одновременно и через авторское восприятие, сложен и противоречив, но в любом случае невозможно утверждать, что он дается только в негативном плане, в черных тонах:

В Россию дальний путь ведет,
В страну, где пламенную младость
Он гордо начал без забот,
Где первую познал он радость,
Где много милого любил,
Где обнял грозное страданье,
Где бурной жизнью погубил
Надежду, радость и желанье,
И лучших дней воспоминанье
В увядшем сердце заключил [1, т. 4, с. 109].

Таким образом, душевное состояние героев в начале событий весьма различно: *пресыщение* Чайльд-Гарольда является прямым следствием несдержанности в плотских утехх – *разочарование* Пленника вызвано крушением того идеала,

поиски которого определяли его вступление в свет:

Людей и свет изведал он
И знал неверной жизни цену.
В сердцах друзей нашед измену,
В мечтах любви безумный сон,
Наскуча жертвой быть привычной
Давно презренной суеты,
И неприязни двуязычной,
И простодушной клеветы,
Отступник света, друг природы,
Покинул он родной предел
И в край далекий полетел
С веселым призраком свободы [1, т. 4, с. 109].

В противоположность «родному пределу», ставшему для героя пространством измены, лжи и суеты, «край далекий» изначально представляется ему идеальным воплощением абсолютной свободы, в ее как внешних, так и внутренних проявлениях. Рабство, наступающее его здесь, парадоксальным образом открывает перед ним неожиданные возможности для обретения истинной свободы. Мир, в «родном пределе» открывшийся ему только одной стороной и обнаруживший лишь свое несовершенство, теперь предстает перед ним сложным, многогранным и удивительно притягательным. При первой же встрече пленного с черкешенкой исчезают прежние трагические ощущения, а физическая жажда, утоленная кумысом из рук «девы молодой», заменяется жаждой жизни. Далеко не только с этнографической целью включает Пушкин также и описание жизни и быта горцев. Именно через них передаются те внутренние изменения, которые произошли в душе Пленника: во время пребывания в неволе в нем пробуждается интерес к жизни, причем к чужой и, казалось бы, чуждой ему жизни. Именно здесь оказывается возможным и настоящее слияние героя с природой, которая открывается ему во всем своем великолепии. Так становится понятно, что причины отчуждения Пленника имели двусторонний характер и заключались не столько в несовершенстве мира, сколько в самом герое, воспринимавшем его лишь в определенном ракурсе. Описанная в предыстории эволюция мировосприятия пушкинского героя (от восторженности – к разочарованию) стала следствием как внешнего воздействия, так и внутренних процессов, показанных автором настолько отчетливо, что невозможно не понять: это было бегством не только от мира, но и от себя самого.

Пленник покидает родной край в поисках свободы как последнего прибежища, в состоянии полной душевной опустошенности – «страстями чувства истребя, охолодев к мечтам и к лире» [1, т. 4, с. 109]. В современном языковом сознании слово *страсть* воспринимается, прежде всего, в одном, совершенно определенном плане – как многократно усиленное чувство [5, с. 282]. Однако в церковно-славянском языке это слово употреблялось в других значениях: «1) сильное желание чего-либо запрещенного; 2) страдание, мучение» [6, с. 671], – в противоположность *чувству*, толковавшемуся как «понятие, познание, благо-разумие, мудрость; способность, чувствование; высшая способность в человеке, сообщающаяся с божеством, дух» [6, с. 827]. Необходимо отметить, что и в словаре Даля зафиксировано это же принципиальное отличие *чувства* от *страсти* [7, с. 611; с. 336].

Переосмысление слова *страсть* (как и многих других) произошло во второй половине XVIII в. в ходе общественно-идеологических процессов, произошедших в России. В данном случае появлению нового смыслового значения и кардинальному изменению коннотации – с негативной на положительную – в огромной мере способствовало распространение просветительского мировоззрения (воспринимающего именно приверженность страстям как истинную жизнь души), под влиянием которого оказались многие русские писатели. Пушкин, казалось бы, продолжающий в первой из своих романтических «южных поэм» эту литературную традицию, совершает новый, совершенно неожиданный, можно даже сказать, парадоксальный поворот. Изображая страсти смертоносными, губительными для души, противопоставляя их *чувствам*, поэт возвращает читателя к первоначальной семантике этого понятия. Эту антитезу (*страсть – чувство*) подкрепляет в поэме целый ряд метафорических образов, призванных выразить эволюцию героя, пройденный им душевный путь от «пламенной младости» – к «бесчувственной душе» и «увядшему сердцу».

В мировосприятии Чайльд-Гарольда, в его самосознании и поведении отражаются в полной мере те моральные принципы и этические установки, которые были введены в жизнь мировоззрением просветителей. По их представлениям, личность, обладая при своем появлении на свет лишь прекрасными задатками и не имея никакой греховной «наследственности», не только освобождалась от какой-либо ответственности и за

грехи предыдущих поколений, и за свое собственное нравственное состояние, но и наделялась бесспорным правом суда над окружающим миром. Наиболее ярко это проявляется в появившемся позднее образе Каина, героя одноименной мистерии Байрона. Весь художественный строй пушкинской поэмы, ее событийная организация и сюжетная структура обнаруживают полемическую направленность против этих идей, утверждавших себя в сознании современников поэта.

Хотя характер пушкинского героя не разработан в поэме сколько-нибудь подробно, а лишь слегка очерчен, от читателя не остаются скрытыми глубинные психологические причины того состояния, в котором герой пребывает к моменту начала событий. Разочарование и бунтарское неприятие всего окружающего возникает у Пленника в результате крушения того идеального образа мира, который сложился в его сознании при вступлении в жизнь, в чем тоже в немалой степени проявляется влияние просветительских воззрений. Представление о человеке, прекрасном по своему природному естеству, которое подвергается искажению лишь в процессе воздействия на него уродливых социальных условий, становится причиной последующего разочарования в окружающем – обычном мире, не выдерживающем сравнения с идеалом. Но в этом же кроется и причина заблуждения человека относительно собственной души, которая представляется наделенной изначально лишь самыми высокими и прекрасными свойствами. В противоположность христианским принципам просветительская идеология направляла личность на поиски идеала в пределах земного мира, а такие традиционные ценности, как *любовь, дружба, творчество*, привычные для религиозного сознания и воспринимаемые им в сугубо духовном плане, переориентировались просветителями в земное русло и уже в этом трансформированном виде наделялись сакральными свойствами. Таким образом, именно просветительский идеал человека и мира, сквозь призму которого воспринимается Пленником все окружающее, становится главной и основной причиной его последующего разочарования.

Основной конфликт романтической поэмы обычно определялся учеными как отчуждение героя от мира и сопротивление с ним. Поскольку у Байрона «поэт как бы отождествляет себя со своим героем путем эмоционального участия в его поступках и переживаниях» [8, с. 29], в его поэмах на протяжении всех событий сохраняется

единая призма восприятия, единая точка зрения – «изнутри» воспринимающего сознания. Очень точно это выражено Г. А. Гуковским: «У Байрона весь "внешний" материал дан как лирический, как выражение души автора, отраженной в душе героя ... У Байрона ... весь мир погружен в душе, мятущейся и отвергающей этот мир, теснящийся в ней. Отсюда – полное единство байроновской поэмы» [2, с. 324]. Герой Байрона, полностью освобожденный от ответственности за состояние своей души, вознесен над миром на недостижимую высоту и противопоставлен всему окружающему. Бунт героя против всего мироздания и его Творца, в своей сущности поддержанный автором, становится основой конфликта в его поэмах.

Подобно Байрону, Пушкин показывает, как ощутивший свою исключительность человек, опираясь на представление о собственной непогрешимости, присваивает себе права судьи над всем окружающим миром. Однако значительная дистанция между автором и героем, которая дает о себе знать с самого начала пушкинской поэмы, создает эффект объективности повествования и позволяет читателю воспринимать героя как бы одновременно с двух позиций: изнутри и извне – через критическую призму авторского сознания. Отсюда – иная организация всей художественной структуры в пушкинской поэме, где аксиологические системы координат автора и героя не только не совпадают, но оказываются противоположными. В то время как герой предпринимает попытку достичь максимальной свободы, вне каких-либо моральных запретов, позиция автора имеет в своей основе традиционные принципы

христианского мировосприятия. Конфликт в пушкинской поэме не исчерпывается только внешним уровнем, главной становится его внутренняя составляющая. Новые ценности, избранные героем взамен прежних и определяющие его жизнь, в конечном итоге, не выдерживают испытания. Романтический идеал исключительной личности, в поисках *абсолютной свободы* вознесшейся над миром и противопоставившей себя ему, в художественном мире пушкинской поэмы показывается как несостоятельный и полностью отвергается.

Библиографический список

1. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений [Текст]: в 10 т. / А. С. Пушкин. – М.: Изд-во АН СССР, 1957.
2. Гуковский, Г. А. Пушкин и русские романтики [Текст] / Г. А. Гуковский. – М.: Худ. лит., 1965. – 355 с.
3. Купреянова, Е. Н. А. С. Пушкин [Текст] / Е. Н. Купреянова // История русской литературы: в 4 т. Т. 2. От сентиментализма к романтизму и реализму / Е. Н. Купреянова. – Л.: Наука, 1980–1983. – 653 с.
4. Байрон, Дж. Г. Паломничество Чайльд-Гарольда [Текст] / Дж. Г. Байрон // Дж. Г. Байрон. Собр. соч. пер. В. Левика: в 4 т. Т. 2. – М.: Правда, 1981. – 320 с.
5. Словарь русского языка [Текст]: в 4 т. / РАН, Институт лингвистич. исследований. – М.: Русский язык, 1981–1984.
6. Полный церковно-славянский словарь: Репринтное издание [Текст] / сост. прот. Г. Дьяченко. – М.: Отчий дом, 2006. – 1121 с.
7. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]: в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.
8. Жирмунский, В. М. Байрон и Пушкин [Текст] / В. М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1978. – 423 с.